

ведения в первом издании рукописи «Слова». Вместе с тем еще большее, чем в первом издании, поновление орфографии в выписках Карамзина из «Слова» лишний раз подтверждает отмеченное Д. С. Лихачевым, наряду с желанием придать тексту корректорское единообразие в соответствии с орфографией своего времени, стремление первых издателей воспроизвести в издании подлинник с максимальной точностью.

Помимо непосредственных выписок из древнерусского текста «Слова» и перевода-пересказа памятника в «Истории государства Российского», как уже отмечалось выше, встречаются замечания Карамзина по поводу отдельных мест памятника, толкования некоторых трудно понимаемых отрывков текста, высказывания о переводе и комментариях первого издания «Слова о полку Игореве». Все эти материалы представляют значительный интерес не только для истории изучения «Слова о полку Игореве», но и для полного представления о первоначальной подготовке «Слова» к изданию.

Бесспорность того, что Н. М. Карамзин видел и подробно ознакомился с рукописью «Слова о полку Игореве», сообщение Карамзина о «Слове» задолго до выхода из печати первого издания, большое внимание, уделенное им «Слову» в своей «Истории», — все наводило на мысль о каком-то, хотя бы косвенном, участии Н. М. Карамзина в подготовке первого издания «Слова о полку Игореве». В. Н. Перетц, рассматривая вопрос о подготовке первого издания «Слова», писал по этому поводу следующее: «...безспорно, не перебулося без довідок та поради карамзінєвих». ¹⁰ Однако анализ материалов по «Слову» в «Истории государства Российского» в сопоставлении их с первым изданием «Слова» говорит совсем о другом: никакого ни прямого, ни косвенного участия в первоначальной работе над «Словом» А. И. Мусина-Пушкина, А. Ф. Малиновского и Н. Н. Бантыша-Каменского Н. М. Карамзин не принимал.

Об этом свидетельствуют замечания и поправки Карамзина по переводу и комментариям первых издателей. В прим. 420 во II томе Карамзин пишет: «В *Слове о полку Игореве* (стр. 28) сказано: „была бы чага по ногатъ, а Кощей по рѣзани“, то есть: пленницы, жены варваров, продавались бы по ногате, а Отроки их, по резани. Издатели не разумели слова чага, ни Кощей, приняв их за собственные имена». Первые издатели неверно прочли и перевели отрывок «Слова» «Се Уримъ кричатъ подъ саблями Половецкыми»: «Уже кричит Урим под саблями Половецкими»; они считали, что «Уримъ» — имя собственное: «один из воевод или из союзников князя Игоря в сем сражении участвовавший» (прим. «в» на стр. 27). Карамзин совершенно иначе, верно, истолковал этот образ «Слова». В прим. 72 в III томе он писал: «В *Слове о полку Игореве* сказано: „се у Римъ (Ромена ?) кричатъ подъ саблями Половецкыми, а Володимеръ (Переяславский) подъ ранами“; т. е. Половцы рубили жителей Роменских саблями, а раненный Владимир не мог помочь им». К фразе «Слова о полку Игореве» «А ты буй Романе и Мстиславе» в первом издании сделано примечание, из которого вытекает, что это два родных брата, сыновья Ростислава Мстиславича. Это неверно, и Карамзин подробно останавливается на данном примечании первых издателей: «Издатели несправедливо думали, что сей Роман и Мстислав были сыновья великого князя Ростислава. Роман Ростиславич умер около 1175 года (см. выше, примеч. 44), а Мстислав, брат его, — в 1180, июня 14 (см. Новгородск.

¹⁰ В. Н. Перетц. Слово о полку Игоревім Пам'ятка феодальної України-Руси XII віку. У Київї, 1926, стр. 24.